

Глава 35 (Экстра). Причинно-следственная связь

В горах Миньшань затерялось великое множество селений, но самыми крупными считались четыре: Шанхэ, Сяхэ, Шанба и Сяба. Именно из этих деревень обычно выбирали старейшин, а сам глава рода вместе с советом жил в Родовом храме предков, что стоял ровно посередине между четырьмя общинами.

В Шанхэ незадолго до Нового года случилась беда. Местный староста, мужчина уже пятого десятка, ждал пополнения — его молодая жена, взятая в дом вторым браком, забеременела. Неизвестно, кто нашептал ему эту надежду, но, имея уже трёх дочерей, староста вбил себе в голову: в этот раз точно будет сын! Когда срок подошёл к шести месяцам, одна опытная повитуха подтвердила: живот, мол, острый — верный признак мальчика.

Староста от радости совсем потерял голову. Стал закатывать пиры, созывать гостей да без удержки пить. Старики часто говорят: вино — вещь хорошая, но во всём нужна мера, иначе жди беды.

И беда не заставила себя ждать.

Как-то раз, в очередной раз залив глаза, староста разошёлся с собутыльниками и впотьмах побрёл домой. К утру он так и не появился. Когда сельчане отправились на поиски, то нашли его в глубоком овраге у реки. Видать, спьяну оступился, не удержал равновесия и рухнул вниз. Его принесли домой ещё живым, но в сознание он почти не приходил. Промучился полмесяца и, так и не оправившись, отдал концы.

Едва старосту похоронили, его вдова, которой едва исполнилось тридцать, подняла крик: не желаю, мол, вдовой вековать, хочу снова замуж! Жители Шанхэ только диву давались: тело мужа ещё не остыло, а она уже о новом мужике мечтает! Да и как так — бросить дом, будучи на седьмом месяце? В деревне таких порядков не знали: полагалось хотя бы дожидаться окончания траура.

Но вдова и слушать ничего не хотела. Когда ей напомнили о ребёнке, она лишь отмахнулась:

— Не нужен мне этот выродок! Обуза одна, только жизнь мне свяжет!

Старухи, услышав такое, лишь крестились: семимесячный плод в утробе — это уже человек, у него душа есть, он всё слышит. Разве можно так с родной кровью? Разве он такое стерпит?

И точно — в ту же ночь у вдовы начались схватки. Повитуха определила: от сильных волнений плод тронулся, будут преждевременные роды. В народе говорили, что семимесячные выживают чаще восьмимесячных, так что надежда была.

Вся деревня стояла на ушах. Крики несчастной разносились на полсела до самого рассвета.

Наконец, когда солнце показалось из-за гор, на свет появился крошечный, не больше котёнка, младенец. Сама же мать глаза так и не открыла. Вот уж воистину — собралась замуж, да не в те чертоги попала.

Делать нечего, пришлось справлять две тризны разом.

Старосты и его жены не стало, а в доме остались три девчонки-сироты и новорождённый кроха. Что с ними делать — уму непостижимо. Причём девицы эти, хоть и были плотью от плоти своей матери, нравом пошли в неё: старшей едва исполнилось десять, младшей — пять, а они, уже будучи помолвлены, в ту же ночь сбежали в семьи своих будущих мужей. О брате никто и не вспомнил. Старейшины оказались в тупике.

— Пойдите, разве у старосты не было старшего сына? — подал кто-то голос.

Тут все и вспомнили о Му Июане, который много лет назад в гневе покинул отчий дом и ушёл жить в Долину Жо. Тотчас снарядили людей на поиски.

Должность старосты была наследственной, и если в семье не было сыновей, преемника искали среди родичей. Впрочем, за власть в горах Миньшань особо не боролись — жили все примерно одинаково, разве что в старейшины метили те, кто побогаче.

В первый раз жители деревни вернулись из Долины Жо ни с чем.

Во второй раз к Му Июаню отправились сами старейшины, но он снова отказался возвращаться.

В третий раз в путь пустился сам глава рода. И в этот раз из долины вышли двое.

Одним был Му Июань, а вторым — Му Цинли, который более не носил клейма «Небежденного ребенка».

Глава рода лично провёл проверку и подтвердил: Му Цинли свободен от проклятия. Хоть случай этот был неслыханным, оспорить очевидное никто не мог. Цинли когда-то попал в Долину Жо из-за своих глаз, но теперь они были совершенно обычными, а магический камень никак не реагировал на его ауру. Единственное, что осталось прежним — его немота. Но раз он перестал быть изгоем, то имел полное право покинуть Долину.

Глава рода поначалу хотел отправить его к родне, но Июань отрезал:

— Это мой супруг. Мой дом — его дом.

В горах к союзам между мужчинами относились спокойно, таких пар было немало, поэтому

глава рода спорить не стал. К тому же он знал о бедах, постигших семью Му Цинли, и решил, что рядом с Июанем ему будет лучше.

Му Июань вернулся, но проблемы решать не спешил. Первым делом он заявил, что никогда не признавал женитьбы отца.

— Мачеху я своей матерью не считаю, а её детей — роднёй, — твердил он.

Стало ясно: заботиться о младенце он не намерен. Выяснилось, что в своё время отец Му Июаня, желая привести в дом молодую жену, фактически выставил старшего сына за порог, отправив его в Долину Жо. Июань даже чая мачехе не подносил, а значит, по законам предков, они не были одной семьёй. Более того, он запретил сёстрам выходить замуж, прикрываясь его именем.

Слухи в горах распространяются быстрее ветра. Сёстры были помолвлены с парнями из знатных семей соседних деревень — отец специально устраивал эти браки, чтобы укрепить связи. Но как только женихи узнали, что Июань не признаёт сестёр, девчонок тут же вернули обратно. Кому они нужны, если за ними не стоит сила старосты?

Оставшись ни с чем, три сестры, дрожа от страха, пришли к Июаню и жалобно запищали:

— Братец...

— Не зовите меня так, — ледяным тоном оборвал их Июань. — Моя мать родила только меня одного.

Он не мог смотреть на них без отвращения — в каждой видел черты мачехи, которая когда-то извела его своими интригами.

— Июань, — мягко вмешался глава рода, — пусть девчонок ты не признаёшь, но этот мальчик... Это ведь последняя искра в роду твоего отца.

— Когда отец вышвыривал меня в Долину Жо, вы что-то не напоминали ему, что я — искра его рода, — огрызнулся Июань, но тут же смягчился и усмехнулся: — Впрочем, слава богам, что вы промолчали. Иначе я бы никогда не встретил своего Цинли.

Глава рода лишь округлил глаза:

— Ах ты, паршивец! Я тебя, считай, на руках выпестовал, пока ты в Долине был, а ты мне дерзишь! Никакого уважения к старикам!

Му Цинли незаметно потянул Июаня за рукав и выразительно посмотрел на него. Тот лишь

пожал плечами:

— Ладно, я сделаю так, как скажет мой Цинли.

Все взгляды обратились к немому юноше. В конце концов, раз они жили как семья, его слово имело вес.

Цинли жестами и знаками объяснил своё решение.

— Мы возьмём этого ребёнка, — перевёл Июань его слова, помедлив. — Но не как брата. Мы официально усыновим его, и он станет нашим наследником. Что же касается этих девиц... о них мы заботиться не будем.

Спорить никто не стал. Усыновление братьев при отсутствии собственных детей было делом обычным — так сохраняли преемственность рода. А отказ от мачехиных дочек сочли справедливым: в конце концов, между ними и впрямь не было ничего общего.

В итоге младенец, получивший имя Му Сисин, остался в новой семье. Трёх сестёр отправили к родственникам их матери, выдав им небольшое приданое, после чего Июань навсегда вычеркнул их из своей жизни.

Му Июань унаследовал пост старосты и, вопреки ожиданиям, оказался дельным правителем. Му Цинли же сменил на посту старого деревенского учителя. Его блестящее образование и знания, почерпнутые из древних свитков Долины Жо, пришлись как нельзя кстати. Сельчане быстро полюбили его за кроткий нрав и мудрость. Часто случалось так: если соседи затевали свару и староста не мог их унять, приходил Цинли, писал пару слов или выразительно смотрел — и мир восстанавливался сам собой. Июань только диву давался и не чаял души в своём супруге.

Годы сменялись годами. В жизни было всякое: и мелкие хлопоты, и тихие радости. Сисин вырос под началом Цинли достойным человеком — почтительным, умным и добрым.

Иногда, глядя на приёмного сына, Июань невольно задумывался: каким бы тот вырос, если бы его воспитывал старый староста? Сам Июань рос как трава в поле, отец никогда не вкладывал в него душу. Он был благодарен судьбе за то, что не озлобился, и ещё больше — за встречу с Цинли.

— О чём задумался? Пора домой! — Му Цинли окликнул Июаня, который застыл под старым деревом, погрузившись в воспоминания.

— Иду! — Июань, заложив руки за спину, поспешил к нему.

— Сегодня Сисин с женой придут ужинать, — привычно «затараторил» знаками Цинли. —

Помоги мне зарезать курицу. Снохе сейчас тяжело, она же ребёнка носит, ей силы нужны. И посмотри на свой кафтан! Где ты его так зацепил? Дыра на полспины, а ты и молчишь. Я зашил, конечно, но в следующий раз сам латать будешь!

Июань слушал это нежное ворчание и улыбался. Двадцать лет назад он и мечтать не смел о такой жизни. А теперь они уже перешагнули порог зрелости, Сисин остепенился, и совсем скоро в доме зазвучит смех внуков.

Всё сложилось правильно.

Всё в этом мире — лишь круг причин и следствий. Кто родил, но не взрастил — останется один. Кто воспитал в любви и мудрости — обретёт достойную старость.

А когда их земной путь подойдёт к концу, та чаша из ракушки станет их общим пристанищем. И для них это было высшим счастьем, какое только можно представить.

<http://bllate.org/book/17533/1707127>